

Ассистент Чэнь Линьфэна, получив официальный ответ от галереи «Наследие», переданный через пиар-агентство, в одно мгновение побледнел.

[Ваша заявка на аренду экспоната из нашей коллекции – сапфирового гарнитура «Звездная ночь» 1947 года – после тщательной оценки комитетом по вопросам выдачи музейных ценностей была отклонена. В выдаче временно отказано. – Управление коллекциями галереи «Наследие»]

Ответ был расписан на целую страницу и пестрел всевозможными оправданиями: то экспонат якобы находился на плановом техническом обслуживании, то предложенный заемщиком план страхования и обеспечения безопасности нес в себе неоправданные риски. В общем, всё это было сплошной вежливой, но абсолютно пустой болтовнёй.

Чэнь Линьфэн уставился на текст на экране планшета, и его брови резко, гневно сошлись к переносице.

Он был одним из самых популярных и востребованных актеров последних лет. Благодаря своей мягкой, утонченной внешности и участию в рейтинговых проектах, он долгое время возглавлял списки самых обсуждаемых персон, обладая колоссальным медийным весом и влиянием. СМИ и преданные фанаты постоянно, с пристальным вниманием следили за каждым его шагом.

С самого начала его стремительной карьеры ни один люксовый бренд и ни одно коллекционное учреждение не смели отказывать ему так прямолинейно и сухо.

- Учитель Чэнь, не берите это в голову, – осторожно попытался успокоить его ассистент. – Галерея «Наследие» и вовсе славится своей несговорчивостью. Они всегда проявляют крайнюю осторожность с вопросами аренды, а их процедуры проверки кандидатов порой доходят до полного абсурда. И это я еще молчу о том, что в этот раз мы хотели одолжить именно тот легендарный гарнитур Картье.

- Не злись, мы ведь всё равно не собирались использовать его, чтобы кого-то нарочито затмить, – рассмеялся менеджер Чан Фэй. – Кто же знал, что они окажутся настолько мелочными? Но, с другой стороны, если даже тебе отказали, значит, никто другой в мире его бы не получил. Это явно не личная неприязнь, а просто их принципы.

Заметив, что лицо Чэнь Линьфэна стало чуть спокойнее, ассистент поспешно закивал:

- Брат Чан абсолютно прав.

Посчитав их доводы разумными, Чэнь Линьфэн немного остыл.

Артисты – лучшие манекены для демонстрации изысканных ювелирных изделий, особенно артисты первого эшелона, подобные ему. Для галереи «Наследие» одолжить ему украшения было бы выгодно со всех сторон, поэтому причиной отказа точно не могла быть личная неприязнь.

И действительно, это было не против него лично.

Все прояснилось в тот момент, когда была официально представлена обложка нового номера журнала VGO Jewelry. Ассистент Чэнь Линьфэна уставился в экран телефона, не в силах вымолвить ни слова от неожиданности.

Пейзаж за окном машины непрерывно проносился мимо, и на стекле отражались размытые, бегущие блики света.

Ши Цзянь откинулся на спинку заднего сиденья, его взгляд прошел сквозь стекло и устремился куда-то вдаль, в пустоту.

- Сегодня в журнале сказали, что съемка будет разделена на три части. Утром сначала обложка и основной кадр...

Сюй Ван сидел рядом с ним. Его голос звучал неспешно и методично; он подробно докладывал о графике съемок на текущий день.

- Во второй половине дня запланировано интервью. Мы заранее всё согласовали, вопросы довольно безопасные, никаких чувствительных тем не будет, так что не волнуйтесь.

- И еще...

Постепенно слова становились далекими и нечеткими. Голос Сюй Вана превратился в едва уловимый, монотонный гул, словно прибой, разбивающийся о берег далекого, необитаемого острова, и больше не мог проникнуть в сознание Ши Цзяня.

Он искренне хотел сосредоточиться на словах Сюй Вана, но мозг словно автоматически отключился, уходя в глубокую рефлексю. Как бы он ни старался вернуться в реальность, внимание постоянно ускользало.

Ши Цзянь машинально потянулся к запястью, чтобы погладить бриллиантовый браслет, и внезапно замер. Его взгляд упал на ладонь – она была пуста, там ничего не было.

Перед выходом.

Ши Цзянь дважды тихо, почти невесомо постучал в дверь кабинета.

- Войди, – раздался изнутри холодный, лишенный эмоций голос.

Толкнув дверь, он вошел. Чу Юнь сидел за массивным письменным столом, его взгляд по-прежнему был прикован к документам, и он даже не поднял головы, чтобы поприветствовать гостя.

Ши Цзянь увидел за огромным стеклянным окном птицу, пролетающую мимо, и мягко, почти шепотом произнес:

- Я сегодня уйду. Съёмка для журнала, всё согласовано с компанией.

Чу Юнь наконец медленно поднял взгляд и остановил его на лице Ши Цзяня:

- Что, только сейчас решил прийти и отчитаться?

Ши Цзянь промолчал. Прошлой ночью у него просто не было такой возможности.

Спустя мгновение он заговорил снова, словно пытаясь осторожно прощупать почву или найти способ оправдаться:

- Если ты считаешь, что это неуместно, я могу не...

Чу Юнь усмехнулся, и в этой усмешке не было тепла:

- Ши Цзянь, у тебя еще осталось право говорить такие вещи?

Наступило короткое, гнетущее молчание.

Птица за окном, хлопая крыльями, словно прорвалась сквозь стекло внутрь и опустилась Ши Цзяню прямо на грудь. Ее острые когти крепко впились в кожу, слегка проколов ее, вызывая острую, но притупленную боль.

Это была не совсем печаль.

Он просто слишком сильно хотел, чтобы всё вернулось на круги своя. Хотел, чтобы брови Чу Юня больше не хмурились так, как сейчас, и чтобы тот наконец смог расслабиться.

Долгое время спустя он тихо ответил:

- Я понял.

Снятый бриллиантовый браслет он бережно, словно величайшую ценность, положил на стол рядом с рукой Чу Юня.

- Сегодня съемка ювелирных украшений.

Он боялся потерять браслет, поэтому считал, что лучше всего будет оставить его рядом с законным хозяином.

Чу Юнь даже не удостоил украшение взглядом.

Ши Цзянь опустил глаза, обхватил рукой пустое, обнаженное запястье и вышел.

Тот браслет, который почти никогда не покидал его руки, был своего рода изящным поводком, который Чу Юнь надел на своего питомца. Если забыть надеть его без разрешения, последствия могли быть катастрофическими – Ши Цзянь уже успел в этом убедиться на собственном горьком опыте.

Дверь кабинета тихо закрылась, и больше из-за нее не донеслось ни звука.

Он стоял в пустом коридоре, и птица в глубине его души наконец разжала когти и улетела, оставив после себя лишь онемевшую, звенящую пустоту.

Оказалось, что даже это было лишь иллюзией контроля со стороны Ши Цзяня. Тот, кто надел на питомца железную цепь, похоже, не придавал этому такого значения, как он сам предполагал.

Лишь тот, на кого надели поводок, был предельно осторожен и внимателен.

Кортеж медленно въехал на территорию закрытой базы, принадлежащей VGO Jewelry. Парковку временно и полностью очистили от посторонних. По обе стороны дороги стояло множество охранников в строгой форме; их лица были серьезны и насторожены, а взгляды непрерывно сканировали каждый уголок пространства.

Двое мужчин в безупречных костюмах с прозрачными гарнитурами в ушах молча стояли у машины в ожидании. Напряжение в воздухе было настолько ощутимым, что Ши Цзянь почувствовал его в ту же секунду, как вышел из авто.

Впереди и позади кортежа медленно, с тяжелым гулом, остановились серебристо-серые бронированные инкассаторские фургоны Мерседес.

Несколько охранников в таком же специализированном облачении быстро и слаженно открыли

двери и, проявляя крайнюю осторожность, вынесли массивный черный металлический сейф.

Ши Цзянь раньше никогда не снимался для журналов такого уровня и даже представить не мог, что атмосфера на обычных съемках может быть настолько серьезной. Можно сказать, обстановка была настолько напряженной, что с привычным «развлечением» не имела ничего общего, и он начал всерьез беспокоиться, что не справится с таким давлением.

- Учитель Ши, сюда.

Ши Цзянь пришел в себя и вежливо поздоровался с сотрудником, который вышел его встречать:

- Здравствуйте.

- Главный редактор хотел лично встретить вас...

Ши Цзянь улыбнулся в ответ на эту подчеркнутую вежливость и мягко сказал:

- То, что вы встретили меня, уже говорит о большом внимании с вашей стороны.

Процесс нанесения макияжа и переодевания прошел гладко и без суеты. Визажист бесчисленное количество раз восхищался тем, что это лицо – истинное творение богов.

Изначально, на фотографиях, лицо не казалось настолько ошеломляющим, но, увидев его вживую, мастер был совершенно поражен силой его воздействия. Удивительное, почти мистическое сочетание жесткости и мягкости – это было настоящее произведение искусства.

С такой внешностью высшего уровня кисти визажиста казались почти излишними.

- Ши Цзянь, здравствуйте! Впервые видимся, для меня большая честь!

Мужчиной, который вышел навстречу, был главный редактор азиатского издания VGO Jewelry Шао Жань. Он обладал более чем пятнадцатилетним опытом работы в мировой индустрии

высокой моды и был широко известен в профессиональных кругах своим бескомпромиссно строгим взглядом и почти сверхъестественным чутьем на истинно ценные ювелирные изделия.

Перед приходом на площадку Ши Цзянь краем уха слышал от Сюй Вана, что этот главный редактор крайне редко появляется на публике, да и характер у него, по слухам, был далеко не из легких. Однако сегодня Шао Жань выглядел на редкость дружелюбным.

Он был настолько приветлив, что Ши Цзянь даже на мгновение засомневался, верна ли была информация, полученная от Сюй Вана.

Они обменялись рукопожатием. Шао Жань выглядел по-настоящему взволнованным, и Ши Цзянь, не привыкший к такому вниманию, не совсем понимал, как правильно на это реагировать.

На помощь пришел один из сотрудников, осторожно прервав их беседу:

- Главный редактор, площадка полностью очищена, всё готово к началу.

Ши Цзянь лишь тихо вздохнул с облегчением и машинально взглянул на Шао Жана, который, казалось, стал еще более взволнованным, как вдруг у самого входа в павильон послышались четкие, размеренные и тяжелые шаги.

Он буквально остолбенел, увидев знакомых людей.

Ювелирные изделия под усиленной охраной вооруженных инкассаторов торжественно и медленно внесли на съемочную площадку.

Тяжелый металлический ящик плавно опустили на стол, который был заранее накрыт безупречно белой скатертью. Фан Жуйцю, надев белоснежные перчатки, медленно и сосредоточенно ввела длинный код безопасности и открыла крышку сейфа.

Внутри, на глубокой темно-синей бархатной подкладке, ослепительно сиял полный гарнитур из редчайших кашмирских сапфиров.

Все присутствующие в павильоне были потрясены увиденным; даже Ши Цзянь на мгновение замер, затаив дыхание.

Спустя секунду по помещению пронесся гул приглушенного шепота, который было просто невозможно игнорировать.

Раздался спокойный голос Фан Жуйцю:

- Кашмирский гарнитур «Звездная ночь» 1923 года. Он находится на постоянном хранении в галерее «Наследие», и это первый случай в истории, когда его разрешили выставить на всеобщее обозрение в полном комплекте.

Взгляд Ши Цзяня медленно скользнул от струящихся, словно чистой воды, камней в ожерелье к броши, чей блеск казался почти острым, пронзающим насквозь.

- Господин Ши, - Фан Жуйцю слегка и почтительно поклонилась, - можем начинать?

Ши Цзянь некоторое время промолчал, а затем едва заметно кивнул.

Трое сотрудников, стоящих позади, помогли ему надеть полный комплект украшений. Холодное, почти обжигающее прикосновение камней в одно мгновение перенесло его в тот вечер перед вручением наград, вернув память о той нелепой и болезненной ситуации с Чу Юнем.

Огни софитов загорелись один за другим, заливая пространство ярким светом.

Ши Цзянь был одет в белую шелковую рубашку с мягким воротником, в которой не было даже пуговиц, что придавало образу особую расслабленность. На фоне абсолютно чистого черного фона фотостудии глубокий, мистический блеск сапфиров отражался на его лице, нежно переливаясь на коже шеи. Холодное сияние камней причудливо переплеталось с глубокой отчужденностью в его глазах.

Ослепительные украшения на теле Ши Цзяня внезапно утратили свою острую агрессивность, начав излучать спокойное, благородное и величественное сияние.

Он сделал так, что блеск каждого отдельного сапфира стал абсолютно уместным и гармоничным.

Главный фотограф медленно обходил Ши Цзяня по кругу, внимательно наблюдая через видоискатель за тем, как каждая грань камней отражает свет под разными углами, и постоянно тихим, сосредоточенным голосом отдавал указания ассистенту.

Вернувшись к основной камере, он долго не решался нажать на кнопку спуска затвора, словно боясь спугнуть момент.

- Боже мой, - прошептал он, глядя на экран, - это просто идеальное сочетание.

Шао Жань не сводил глаз с Ши Цзяня, его взгляд перемещался с одного сверкающего камня на другой.

Свет, преломляясь в гранях сапфиров, заставлял глаза главного редактора сиять истинным восторгом художника, который наконец-то нашел свою идеальную музу.

Спустя долгое время он тихо, почти благоговейно произнес:

- ...Совершенство.

Именно это осознание и стало истинной причиной его первоначального волнения.

Когда только планировалась эта тематическая съемка, он полагал, что галерея «Наследие» предоставит максимум один или два классических экспоната для простого дополнения образа. Ведь он прекрасно знал, насколько невероятно сложно получить в аренду подобные топовые коллекции.

Когда даже ведущие мировые бренды и авторитетные организации предлагали сотрудничество, галерея часто отказывала им под предлогом «несоответствия принципам защиты музейных ценностей», даже если речь шла об аренде всего на одну единственную ночь.

Но сейчас, глядя на Ши Цзяня, он видел, что украшения были настолько кристально чистыми

и роскошными, что буквально захватывало дух, а степень сочетаемости Ши Цзяня с ними превзошла все самые смелые ожидания.

Он подумал: то, что заставило галерею «Наследие» пойти на такое исключение, – это не просто материальная ценность камней.

Это была неповторимая гармония и несравненный, шокирующий визуальный эффект.

Шао Жань был уверен, что галерея «Наследие» и стоящая за ней семья Чу просто воспользовались случаем, чтобы эффектно продемонстрировать свои «активы».

А Ши Цзянь, находящийся в самом центре этого ослепительного внимания, был лишь изысканным носителем, выбранным в качестве идеальной витрины.

Сам же Ши Цзянь чувствовал лишь холодную, почти физическую тяжесть на своем теле, которая безмолвно и неотвратно давила на его нервы и плоть.

Он машинально поднял руку и коснулся камней на шее. Ощущения от этого прикосновения ничем не отличались от тех, что он испытывал сегодня утром, когда снимал цепочку.

Все они были одинаково роскошными и острыми, до краев пропитанными ледяным холодом Чу Юня.

Фотограф снова поднял камеру.

Мужчина в объективе слегка опустил глаза, и украшения тускло, загадочно мерцали на его шее.

Роскошные камни стали финальной точкой в его глубокой меланхолии.

Ши Цзянь наполнил эту сцену пронзительным чувством отчужденности и какой-то невысказанной «историей».

Фотограф невольно затаил дыхание, его сердце забилося быстрее.

- Отлично, - пробормотал он, лихорадочно нажимая на кнопку затвора, боясь упустить этот мимолетный момент, который вряд ли удастся повторить снова. - Оставайся так, не двигайся!

Кто вообще мог сомневаться в совершенстве человека, который просто стоит, напоминая застывший кадр из великого фильма?

Фан Жуйцю наблюдала за процессом издали, втайне восхищаясь - молодой господин действительно обладал поразительным, почти интуитивным чутьем на истинную красоту и искусство.

Она признала, что ошиблась.

В тот вечер, когда она отчитывалась перед Чу Юнем по телефону.

- Молодой господин, журнал придает этому огромную значимость. Главный редактор Шао лично связывался со мной, и мы выбрали сапфировый гарнитур Картье 1947 года. Этот дизайн считается классическим, а цвет и качество камней в нем очень редкие. Мы также учли, что уровень издания достаточно высок...

Она не успела договорить, как остро, почти физически почувствовала нарастающее недовольство Чу Юня. Даже через телефонную трубку она могла представить, как он раздраженно хмурит брови.

Фан Жуйцю сразу решила, что молодой господин считает выбор слишком дорогим, и только хотела начать объясняться, как Чу Юнь холодно и сухо спросил:

- И это всё?

Фан Жуйцю опешила и машинально ответила:

- Этот гарнитур действительно достоин того, что нужно VGO, и он полностью соответствует вашему требованию о «сдержанности и скромности»...

- С каких это пор слова «сдержанность и скромность» стали представлять галерею «Наследие»? - Чу Юнь мерно постучал пальцами по столу в своем кабинете и холодно произнес: - Посредственная роскошь - это скудоумие. Мы что, хотим, чтобы весь мир смеялся над нами?

Фан Жуйцю буквально подавилась словами. Она машинально отвела телефон от уха и посмотрела перед собой с выражением сложной гаммы чувств на лице.

- Чтобы я больше никогда не слышал этого нелепого «сдержанность и скромность».

Фан Жуйцю снова замолчала.

Ей тоже очень хотелось спросить: разве слово «скудоумие» вообще уместно в данном контексте?..

- Выбери заново, - раздался властный голос из трубки, и Фан Жуйцю поспешно прислушалась.

Сквозь шум электрических помех донесся недовольный и требовательный голос молодого господина:

- Нужно самое большое, самое лучшее и самое сверкающее.

<http://bllate.org/book/17941/1720616>